

НАДЕЖДА
ВИЛЬКО

REINCARNATION
БАНК

Надежда Вилько

Reincarnation банк

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=60229331

Н. Вилько. Reincarnation банк: Издательство «Водолей»; Москва; 2020

ISBN 978-5-91763-501-9

Аннотация

«Reincarnation банк» – вторая книга Надежды Вилько, вышедшая в России. Впервые она была издана в США, где автор живет в настоящее время. Стилистически творчество Вилько может быть сопоставлено с прозой Гофмана, Майринка, Одоевского. Банком перевоплощений в этой книге оказывается не только и не столько авантюрное начинание одного из героев, сколько сама повесть о памяти героев друг о друге, о подобиях между героями, принимаемых за тождество, и о возможности тождества там, где достоверно лишь подобие. Проза Н. Вилько публиковалась в литературном ежегоднике «Побережье», в «Новом Журнале», в литературно-художественном журнале «Стороны Света».

Содержание

По эту сторону ограды	5
По ту сторону ограды	40
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Надежда Вилько

Reincarnation банк

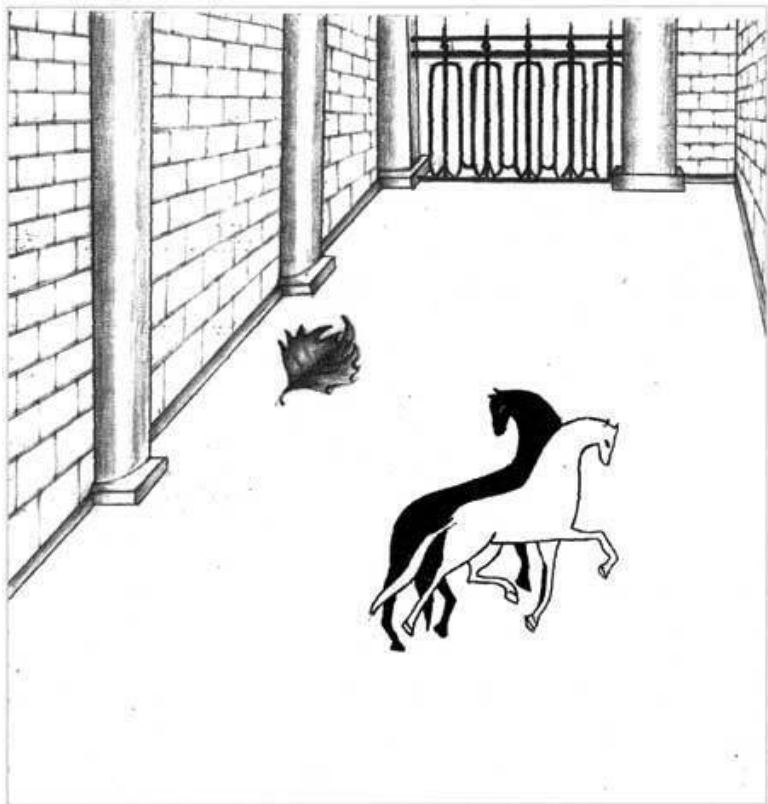
© Н. Вилько, 2020

© J. Marciniak, фотография, 2020

© Издательство «Водолей», оформление, 2020

* * *

По эту сторону ограды

I

Проснувшись, Таня не поняла, что ее разбудил звонок в дверь, и не сразу вспомнила, что вставать не обязательно, что с работы она уволилась.

Ей снились три разных снега. Один, вязкий, серый и тяжелый, каким он бывал в оттепель, лежал на Питерских улицах. Она падала в него, и подниматься было очень тяжело, но она поднималась и шла. Другой снег шел в Старом Городе, в Иерусалиме. Тот был частым, крупным и очень белым. Она искала и не могла отыскать знакомых ей мест, где доступ небу преграждался арками. Ей почему-то необходимо было увидеть, как снег падает сквозь отверстия в арках, сохраняет ли его поток их форму.

Третий снег принял вид моста с заиндевелыми редкими деревьями, изогнувшимися у ослепительно сверкающих перил, но не узнать его все равно было невозможно: он был тем же, что и широкое белое пространство, через которое он перекинулся. Мост звенел...

Через некоторое время Таня подумала, что, может быть, кто-то все же звонил в дверь, но что теперь все равно уже поздно открывать. Но поставив на плиту кофейник, она открыла и увидела старичка, который жил несколькими этажами выше; он терпеливо ждал, выпрямившись во весь свой небольшой рост и держа под мышкой бумажный пакет. Таня

удивилась тому, что он так долго ждал и что звонок оказался реальным. Появлению же соседа удивляться было нечего, он звонил в Танину дверь два-три раза в неделю с одними и теми же вопросами, которые он задавал в одном и том же порядке: здесь ли его жена, и получив отрицательный ответ, квартира ли это 5«В». Получив отрицательный ответ опять, он вежливо извинялся и уходил. У старичка был склероз.

– Простите, мэ, моя жена здесь? – встревоженно спросил он.

– Нет, – покачала головой Таня. Ей хотелось сразу же сказать, что это не квартира 5«В», но почему-то соблюдая сложившийся ритуал, она подождала, пока он спросит:

– Это квартира 5«В»?

– Нет. 5«В» тремя этажами выше.

– Простите, мэ. Я очень извиняюсь, мэ.

Таня стояла на пороге, пока он мелкими старческими шажками всем корпусом поворачивался спиной к двери. Она опять вспомнила, что торопиться ей некуда, что со службы она уволилась. Заметив, что шляпа на соседе не по сезону соломенная, и что рукав его светлого пальто сзади прихвачен черной ниткой, она подумала: – «Тоже хороша жена... вдобавок выпускает его, такого, одного», – и сказала: – Хотите я позову Вашу жену? Вы можете пока зайти ко мне и подождать, я как раз делаю кофе. Вы кофе пьете?

Старичок замер. Он не обернулся и не ответил. Он стоял все так же прямо, только плечи его стали трястись. Таня

осторожно обошла его и заглянула ему в лицо – оно дрожало и горестно морщилось, и по нему текли слезы. Она не знала, что сказать или сделать, а он все стоял, не двигаясь – точно прирос к лестничной площадке – и плакал. – Может быть, Вы зайдете ко мне, – снова сказала она, но он будто и не слышал. Тогда, совсем растерявшись и расстроившись, она позвонила в соседнюю дверь, где жила приветливая сухонькая старушка Сюзи, бывшая балерина. Сюзи долго не открывала, и Таня машинально нажимала на кнопку снова и снова, а когда, наконец, послышались шаги, не дожидаясь вопроса, крикнула, что это она. Сюзи открыла дверь, запахивая сиреневый халат, накинутый поверх блестящей спортивной пары. – А я-то ничего не слышу, милая, все танцую! Что случилось? – спросила она, увидев плачущего соседа. Узнав в чем дело, Сюзи участливо погладила Таню по плечу и сказала, – Успокойтесь, милая. О Господи, беда с нами, стариками! Да нет у него никакой жены! Умерла его жена еще осенью. – Она обняла соседа за трясущиеся плечи, авторитетно и строго сказала, – Пойдемте, милый, я отведу Вас домой, – и решительно отвергла Танину помощь. – Не Ваше это молодое дело с нами, стариками возиться. О Господи, да Вам и смотреть на это нечего! Уж я сама все сделаю, и отвезу его наверх, и разберусь, кто там за ним смотрит.

– У него рукав отрывается...

– Успокойтесь милая, – еще решительнее оборвала ее Сюзи. – О Господи, вот беда-то!

Таня стояла в коридоре и смотрела на них, пока дверцы лифта не закрылись.

Кофе вовсю кипел, плевками вырывался из-под крышки кофейника, с шипением заливал плиту. Разъяренно вытирая бумажными салфетками горячую кофейную лужу, она бормотала: – Что же это за склероз такой! Пусть уж, если склероз, то ничего вообще не помнить... А это что?!

На автоответчике за ночь накопились четыре призыва Джеффа не прятаться от него и снять трубку, в последнем он грозился приехать.

– Отдохнуть... от всего этого отдохнуть. А то живу, как мертвая, хуже, чем мертвая, надеюсь.

В ванной она мельком посмотрела на себя в зеркало и отвернулась.

Еще рано. Джефф не может появиться раньше ланча... чтобы Кэсси не догадалась. Значит из дома надо уйти до того, и придумать куда уйти. Приедет с какими-нибудь орхидеями... Она прошла по квартире, выбросила засохшие цветы из всех ваз и стаканчиков. Выбрасывать цветы всегда было жалко. Когда Таня мыла посуду, зазвонил телефон. – Черт бы побрал, – разозлилась она, сообразив вдруг, что ждала звонка. Она намеренно неспеша вытирала руки, и сняла трубку уже на четвертом звонке. Но звонил не Джефф, звонил Петя, с которым она за те три месяца, что он здесь, не собралась встретиться. Восемь лет назад, в Москве, Петя был молчалив, долговяз и выглядел совсем мальчишкой. Его

попытки отрастить бороду, чтобы казаться солиднее, вызывали безжалостные насмешки актеров модного молодежного театра, где Таня была художницей. Петр не работал в театре, он писал пьесы, и был плодовит и необидчив. Примерно раз в месяц он отпечатывал на старенькой «Оптиме» с перепаянным шрифтом кипу совершенно серой бумаги – Бог знает, где он ее, такую, доставал – очередной детективной пьесой, таскал с собой по театру раздутый и обшарпанный рыжий портфель и всем раздавал экземпляры, не требуя вернуть назад. Пьес, конечно, никто не читал, и от этого Тане становилось совестно и жалко его до того, что однажды она просидела всю ночь, клюя носом и читая невозможно запутанный опус, называвшийся «Полет Черного Конька», и так и не поняла почему он так назывался. «Черный Конек» – была кличка какого-то демонического героя, который почему-то все обо всех знал, но всех зачем-то только запутывал, а кончил тем, что упал из окна гостиницы «Астория» и разбился насмерть. Причем оставалось непонятным, выбросился ли он сам, или кто-то его выбросил. При встрече с Петром, она тактично поделилась своим недоумением по поводу названия пьесы. Он обрадовался так, что ей снова стало совестно, он даже порозовел. – Ты думаешь, лучше было бы назвать «Полет на мостовые... Черного Конька» или нет... «Полет Черного Конька на мостовые»?

Таня с трудом удержалась от смеха. С тех пор Петр всегда первой искал в театре ее, и вместе с экземпляром очередной

пьесы вручал ей шоколадный батончик. Это было замечено, и актеры безжалостно веселились по поводу Петинной «безнадежной любви», на что, впрочем, тот с завидным постоянством не обращал никакого внимания.

Как и восемь лет назад, он говорил Тане «ты», и это «ты» звучало теперь странно.

Сама она старалась избегать местоимений единственного числа. – Как мы узнаем друг друга? Вдруг мы изменились так, что не узнать?

– Я буду в длинном черном пальто с китайской газетой под мышкой, – сообщил Петр. – Я хочу тебе кое-что показать, может быть, мы кое с кем встретимся.

«Кое-что, кое с кем... что-то в нас никогда не меняется», – улыбнулась Таня. – Договорились, с китайской газетой.

Вынося мусор, она укололась о колючки сухих, торчащих из мешка стеблей роз.

...Цветы, которые Аня выбросила вечером после юбилейного концерта Натана Александровича, только-только начинали увядать. Таня заметила их в мусорном ведре, когда вытряхивала пепел, и вытащила. Это были мелкие, желтые астры. В тот день Натану Александровичу подарили много цветов, все вазы были заняты – видимо, чтобы освободить одну из них, Аня выбросила желтые астры. Таня поставила их в высокую жестяную коробку из-под печенья.

– Какие хорошие и совсем живые цветы! – всплеснул ру-

ками Натан Александрович. – Это мой старый друг Аня удружила, ай да Аня!

Гости уже разошлись, Таня присела в кресло рядом с ним. Натан Александрович наклонился, поднял голову, снизу вверх заглянул ей в глаза: – Устала или чем-нибудь расстроена?

– Не обращайтесь внимания, это пройдет.

– Здравствуйте пожалуйста! А кто же будет обращать внимание?!

Поразительно, сколько в нем было энергии. Концерт, гости, Аня, которой вечно надо было посоветоваться о каком-нибудь из своих двух профессоров-сыновей. Посуду вымыть никому не дал, мыл ее сам, напевая высоким, резковатым, поразительно молодым голосом.

– Чего-то как будто все не хватает, – сказала Таня.

– Так это хорошо! Большинству всего хватает и даже кое-что лишнее! Вот Аня, к примеру – добрейшая женщина, а цветы выбрасывает! А ты у меня, ну прямо королева – и все чего-то не хватает! Так бери. Ищи и бери. Думаешь, само вскочит? Держи карман шире, голубчик...

Все, что есть – лишнее. И никуда не хочется выйти из этой чертовой квартиры, и никого не хочется видеть, и ничего не хочется слышать. Вот только снег был хорош... – Подумав, Таня заварила еще кофе и налила в него амаретто.

По свидетельству, которому трудно не верить, наступят дни, когда заговорят камни. О чем бы? Вот камни здания, стоящего среди куч тяжелого хлама и перелетающего по ветру легкого сора. Здесь всегда ветрено – пустырь. Камни обтесаны, уложены и выкрашены – столько прикосновений человеческой руки, что о беспристрастии не может быть речи. Прикосновение меняет – правда, к этим камням давно никто не прикасался, дом необитаем и там, где оконные проемы не заколочены досками – прозрачен. Ни стекло, ни рам, насквозь видно небо. Дом был когда-то красив; точным и изящным рисунком резного фриза и формой оконных проемов можно залюбоваться даже отсюда... из чахлого сквера возле автобусного вокзала, где, сидя на скамейке, засыпала Таня; автобус, на котором должен был приехать Петр, опаздывал.

А в самом сквере, в нескольких шагах от нее – другой камень, кусок черной вулканической скалы, горбящий поверхность земли. К нему почти не прикасались руками, и даже ногами почти не прикасались – слишком скользкой и неровной была его поверхность для неуверенной человеческой ноги. По вечерам в сквере собиралась публика, нетвердо ступающая по земле, предпочитающая лежать на ней или, в крайнем случае, сидеть. Но сейчас был день и сквер стоял пустой.

Таня насчитала шестьдесят девять солнечных затмений за

то время, что остыла поверхность камня. Потом она считала лунные затмения, остановилась на ста четырнадцати и перестала считать. Она стала думать о том сумасшедшем ветре, что однажды обрушился на все движущееся и неподвижное вокруг камня, и тогда кое-что из неподвижного стало движущимся, а из движущегося – неподвижным. Одно плохо различимое в темноте, но кажется, немолодое человеческое лицо прекратило на камне быть живым как раз в эту выворачивающую с корнями дерева погодную неурядицу. С ночной темноты до самого утра, пока потихоньку успокаивалось бушевание природы, лицо прижималось правой щекой к черному мокрому камню и бессмысленно таращилось в темноту. Какие таинственные связи пронизывали соприкасающиеся в этом мире тела и отчего так усложнился этим ночным прикосновением мир камня, камень, естественно, не говорил, но задремавшей на скамейке Тане было ясно, что камень свидетельствует об этом... Очнувшись, она не могла вспомнить, в чем заключалось это свидетельство, и бессмысленно таращилась на возвышающуюся над ней тощую черную фигуру.

– Заснула!?

Она подняла голову и увидела бородатого, но сильно полысевшего Петю.

– Хорошо, что я сюда заглянул, а то бы так и ушел, а ты бы тут замерзла, – сказал он. – И напрасно ты надела эти туфли, сегодня к ночи будет снег. – И добавил: – Ты нисколько не

изменилась.

Никакого снега не обещали, но Петр сказал, что китайцы обещали снег, а с тех пор, как он стал опять практиковаться в китайском и читать китайские газеты, он убедился, что китайцы всегда правы. Как и прежде, он говорил негромко и монотонно, но говорил теперь намного больше, чем раньше, так что вскоре Таня совсем перестала его слушать. Она поняла, что они едут в какое-то кафе, где встретят какого-то Сержа и настояла на том, чтобы взять такси, за которое по выходе поспешила расплатиться. Между первой и второй дверью кафе Петр спросил, не голодна ли она и она мотнула головой. Они заняли столик у окна, заказали кофе и Петр, отвергнув меню, вынул из кармана пакетик орехов. Почувствовав себя неловко, Таня попросила принести ей коньяк и добавила, что они должны дождаться еще одного человека.

– Видишь этот дом напротив, черный, без окон? – говорил Петя с восхитительной непосредственностью предлагая ей орехи перед носом принесшего кофе официанта. – Я привел тебя сюда, потому что здесь идеальный наблюдательный пункт.

– Наблюдательный? Что ты собираешься наблюдать? Ты опять пишешь детективную пьесу! – догадалась Таня.

– Нет, не пишу, я не пишу по-английски, – наивно ответил Петр, – но у меня есть идея. Я как раз подумал, что, может быть, если ты захочешь, мы сможем вместе написать сценарий. Представь, это черное здание без окон напротив –

«Reincarnation» банк.

– Что?

– «Reincarnation» банк, – понизив голос, повторил Петр. – В один прекрасный день жители города просыпаются и замечают, что в их городе строится какое-то странное здание. Строительство окружено тайной и идет фантастически быстро – черные стены растут... окон нет. Что это? Тюрьма, сумасшедший дом или гигантский крематорий? – Он воодушевился и сделал слишком большой глоток горячего кофе. Пока он двигал ртом, как вытщенная из воды рыба, Таня глядела в окно – здание было не черным, а темно-серым, оно стояло между двумя одинаковыми небоскребами и выглядело гораздо массивнее их, хотя и было намного ниже. Стена, обращенная к кафе, действительно не имела окон, вместо них разного размера и формы ниши складывались в рисунок, напоминавший искривленные соты.

– Что нужно так прочно отгораживать от мира? – отдышавшись, продолжал Петр. – Или от чего надо так прочно отгораживать мир? Или просто не смешивать? А здание растет и растет, пока не превращается в огромную черную коробку, вот в эту... а? Как тебе это в качестве киносценария?

Таня улыбнулась. – Осталось только написать, протолкнуть и станцевать на банкете по случаю получения «Оскара». Но мне даже и танцевать не хочется.

– Это ты просто устала. – И добавил: – Я тоже устал.

– Интересно, отчего бы я устала? – я все время сплю.

...Год после смерти Натана Александровича был очень тяжелым. Она не тосковала по покойному – он умирал так медленно, менялся так тягостно, что очень долго она помнила его только таким, каким сделала его болезнь: чужим, холодным, молчаливым, ушедшим куда-то, где никому рядом с ним не было места. Таким она долго его помнила, и потому почти не вспоминала весь тот первый год после его смерти. Но она стала очень беспокойна. Иногда – и все чаще и чаще – беспокойство обострялось до тоски и страха. Тогда ей начинало казаться, что есть одна главная причина такого состояния, и что если она найдет эту причину, душная пряжа, прочно опутавшая ее – присутствие этой пряжи она ощущала физически, – размотается, отпустит, исчезнет, и можно будет снова дышать, не боясь следующего момента. А следующий момент того и гляди накроет с головой, и уже не вынырнешь из него без потери чего-то очень важного, без чего ты уже не ты. Каждый раз после того, как страх отпускал, она несла себя несколько дней, как хрупкий стеклянный сосуд – ей казалось, что даже походка ее меняется. Часть ее существа превращалась в настороженного и искушенного цензора, и каждое слово, движение, эмоция долго и тщательно проверялось им – без этой цензуры ничто не принималось ею.

Но тоска возвращалась. Ее возвращение всегда предчувствовалось и предчувствием этим всегда было одно и то же ощущение, болезненное, как укол в сердце – ей мгновениями казалось, что она где-то далеко-далеко от того места,

где она в этот момент была. Так случилось однажды около пяти часов утра, когда она, разбуженная громким шелестом, доносящимся из открытого окна спальни, выглянула во двор. Было довольно светло, двор был пуст, порывами налетал несильный ветер и с гулким царапающим звуком гонял несколько сморщенных сухих листьев по одной и той же траектории. Листья описывали круг на асфальте под окном, замирали, когда утихал ветер, опять описывали круг, и опять... и опять. Тогда и кольнуло в сердце. Позже в то утро ей приснилось, что она все так же глядит во двор, но окно ее гораздо выше, двор виден глубоко внизу, как дно пустого колодца, и асфальт белый и сверкающий, как хрусталь. Посреди двора неподвижно стоит *черная* лошадь, и это так удивительно, что Таня срывается с подоконника и бежит на лестницу.

Лестница длинная, запутанная и крутая, но она добегает до двери, распахивает ее и замирает: асфальт лежит перед ней черный и вязкий, как смола. Стоя в нерешительности – подол белого платья касается асфальта – она замечает, что лошади посреди двора уже нет. Тогда, забыв о платье, она бежит по черному асфальту, успевает увидеть скрывающуюся за углом *белую* лошадь и, проснувшись, все рвется за нею вслед.

Первое за долгое время ясное утро пробивалось сквозь опущенные шторы теплым спокойным светом и вместо страха было позабытое чувство благодарности, как бывало, ко-

гда она просыпалась в детстве. Это удивительная удача проснуться раньше, чем вспомнить себя, и она старалась подольше не вспомнить себя...

– Родители, – говорил Петр, – не оставляют наследство детям, сдают свой капитал в «Reincarnation» банк для своих будущих воплощений. Да что там дети! Родители и между собой должны разобраться с дележом. А дети обдумывают убийство родителей, да даже не очень и обдумывают – лишь бы добраться до банка и успеть вложить деньги, а там... тайна вклада гарантирована до конца времен. Чудовищные, дерзкие ограбления: грабители не боятся быть арестованными, лишь бы успеть вложить награбленное в банк! Чиновники, имеющие доступ к государственным фондам, тоже грабят...

– Они и так грабят, – сказала Таня.

– Ну пусть! – отмахнулся Петр. – Крах семей, биржи, экономики, государства! На этом фоне горстка энтузиастов пытается взорвать здание «Reincarnation» банка, но таинственная охрана здания пользуется древними методами: лабиринты, ловушки, подъемные мосты, рвы... Нападающие как будто сражаются с гигантской машиной, они гибнут один за другим, не встретив ни одного человека. Можно завернуть какую-нибудь романтическую историю. Только представь, какие драмы можно разыграть на этом фоне, в какие дебри человеческой психологии забраться?

– Мне все равно на каком фоне разыгрываются драмы. А психология меня не интересует, я разбираюсь в ней достаточно, чтобы ею больше не интересоваться. Кстати, о психологии, в том, что ты сейчас тут наговорил, есть одно психологически слабое место.

– Какое? – поднял на нее глаза Петр. У него были светлые, гораздо светлее волос, брови. Наверно поэтому его взгляд всегда казался ей растерянным.

– Твой сюжет предполагает, что все преступники верят в перевоплощение. Где, скажи, ты наберешь столько людей, которые вообще во что-нибудь верят?

– Не обязательно верят, – возразил Петр и помолчал, глядя на улыбающуюся Таню отсутствующим взглядом. – Конечно, все надо обдумать. Если бы ты согласилась со мной поработать...

Она покачала головой.

– Ужасно иметь дело с умными женщинами, – вздохнул Петр, – их ничего не интересует. Вот подожди уж, придет Серж, он тоже умный.

Серж пришел, когда его уже перестали ждать, и с первой же фразы не понравился Тане. Он сказал:

– Ого! Если бы я знал, что тут ждет такая красивая девушка, я бы не засиживался в издательстве. Вы разрешите подсесть? – и он подсел, небрежно бросив дорогую европейского покроя куртку на свободный стул.

– Я ничего не жду, – сказала Таня. – Я пью кофе.

Позже Серж признался ей, что сначала она тоже не понравилась ему. Был уже поздний вечер, когда он сказал это. Они сидели в Таниной квартире и допивали остывший чай, и Сержу надо было ехать в аэропорт. Он сказал еще, что от его отпуска осталась неделя, и что он собирался позвонить в аэропорт и отложить свой отлет, чтобы провести эту неделю здесь, потому что в кои-то веки встречаешь человека, с которым хорошо быть рядом...

Глядя в окно, Таня старалась не слышать Петра, говорившего Сержу о черном здании без окон и о капитале для будущих инкарнаций. Она не сразу поняла, что Серж обращается к ней. – Чем же? – спрашивал он.

– Чем же... что?

– Чем Вам не нравится Петин сюжет? – улыбаясь, спрашивал Серж в то время, как она пыталась понять, чем не понравился ей он сам, такой симпатичный и хорошо одетый молодой человек. Очевидно, пауза затянулась, потому что Серж вдруг сказал, – Вы не возражаете, что я к Вам подсел?

– Здравствуйте! – усмехнулся Петя. – Что же ты сразу ее об этом не спросил?

– Я спросил, только ответа по самонадеянности не дождался.

– И что ты будешь делать, если она возражает?

– Быстро-быстро, обжигаясь, допью кофе, откланяюсь и

удалюсь, – не отрывая взгляда от Таниного лица, сказал Серж.

В ответ на это заявление, представив себе, как это он «откланяется и удалится», Таня поняла, что новый знакомец не понравился ей не самоуверенными манерами – он вполне, впрочем, держался в рамках приличия, – а тем, что заполнял собой пространство. Именно поэтому, если он сейчас поднимется и уйдет, станет раздражающе пусто. Она улыбнулась.

– Ее не интересует психология. – Петя вернул разговор в нужное русло.

– И правильно, – согласился Серж. – Психология – это скучно, хотя бы потому, что человек связан со всем остальным миром, а остальной мир человеческой психологией не страдает.

Таня очень испугалась «умного разговора».

– Психология здесь ни при чем, я вообще о ней не говорила. Я просто не очень представляю, что можно сделать с тысяча первым сюжетом добычи денег для будущей счастливой жизни.

– Сделать можно что угодно с чем угодно, – заявил Серж. – Идея «Reincarnation» банка может, например, состоять не в откладывании денег на будущее, а в откладывании жизни на будущее.

– Мы и без банка занимаемся этим большую часть времени.

– Пожалуй, – согласился Серж. Он задумчиво потер хоро-

шо выбритый, красивый подбородок. «А подбородок у него, как у Джеффа», – подумала Таня.

– Я попробую уточнить, – снова заговорил Серж, – жизнь делится на две половины, первая половина – ожидание жизни, вторая половина – недоумение по поводу того, как это жизнь успела просвистать мимо. Когда граница пройдена, происходит переселение прямым ходом из будущего в прошлое, минуя настоящее. И нам остается невроз, маразм или дети. А с «Reincarnation» банком можно до конца глядеть только в будущее.

– Скажите, а Вы-то сами в какой «половине»? – поинтересовалась Таня.

Серж на секунду задумался, потом звонко рассмеялся. – А я, – сказала Таня, – лет, наверно, на десять старше Вас...

– Ну не на десять! – перебил он ее. Мне двадцать семь. – И выжидающе посмотрел.

– Ну, не на десять, – согласилась она. – Но я уже ничего не ожидаю, а жизнь вовсе не «просвистела», она все свистит, и притом иногда довольно назойливо. И, кроме того, этот «Reincarnation» банк – абсурд. Кому, например, может захотеться снова быть молодым и красивым, чтобы снова оценить эти дары только когда их уже нет. Дай Бог эту инкарнацию дотянуть.

– Во-первых, – возразил Серж, – Вы потому их и не цените, что они все еще у Вас есть. Вы все еще молодая и, поверьте мне, очень привлекательная женщина.

«Все еще! – подумала Таня, – И комплимента толком сделать не умеют».

– Во-вторых, «захочется или не захочется» тут ни при чем. Если верить в будущее воплощение, то естественно постараться обеспечить себя на него.

– Ну да, обеспечить деньгами! – усмехнулась Таня. – Это очень по-западному. Тут Вы правы.

Подошел официант и спросил, будут ли они что-нибудь заказывать.

* * *

Поздним вечером следующего дня, в квартире Сюзи, Таня неожиданно для себя разоткровенничалась. Она зашла на минутку, а просидела почти до полуночи.

Сюзи позвала ее, чтобы успокоить насчет старичка-соседа, за ним присматривают какие-то школьницы из еврейской общины. Она качала головой и очень их жалела, повторяя, что не молодое это дело – глядеть на выживших из ума стариков. Таня молчала, думая, что хорошо разговаривать с Сюзи: можно молчать. На стене висели старинные ходики, и зрачки ночной птицы над циферблатом двигались вместе с маятником – влево-вправо, тик-так. Похожие висели в маленькой комнатке на улице Пестеля, где она в детстве жила с матерью. Она засыпала под их нескончаемое тик-так и нескончаемый разговор взрослых, и запах длинных сигарет, которые мама

и тетя Оля тайком курили, думая, что она уже спит.

– Какая прелесть, – сказала Таня, – где можно купить такие часы?

Когда она собралась было идти, Сюзи вдруг зашикала и прислушалась.

– К Вам кто-то пришел. Слышите эти звонки? Идите скорее – это звонят в Вашу дверь...

Именно поэтому Таня осталась, и неожиданно рассказала о кошмаре своих последних двух лет, начиная с того дня, когда Джефф, с которым она работала уже больше года и который успел жениться за то время, что она его знала, задержался, чтобы просмотреть ее новые образцы тканей, и они проболтали в маленьком закутке, где стояла кофейная машина и противно трещала неоновая лампа, до одиннадцати часов вечера. В тот день ей, как это стало с ней случаться все чаще после смерти Натана Александровича, не хотелось возвращаться домой. Она помнила, как Джефф сидел на столике, где была кофейная машина – небрежно, прислонившись к стенному шкафу, она помнила, что на нем были светло-серые брюки и что узоры на его синем шелковом галстуке напоминали глаза, как их рисуют дети – с длинными волнистыми ресницами. Она помнила, что в какой-то момент ей вдруг мучительно захотелось прижаться губами к чуть видневшейся из-под ослепительно-белого ворота рубашки ямке, где сходились ключицы, и тогда – она помнила – ощущение одиночества обострилось. Единственное, чего она со-

вершенно не помнила, – это о чем они говорили до одиннадцати часов вечера.

– Я столько раз пыталась прекратить этот кошмар: мы занимались любовью в мотелях, в его кабинете, в машине, на лестнице. «Анестезия... против страха, одиночества и безнадежности – объединившись, они действовали сильнее того, что я когда-то называла любовью». Он никогда не расплачивался кредитными карточками, жена могла проверить счета, а если мы где-нибудь задерживались, каждые полчаса звонил ей.

Особенно ненавистен он был ей, когда звонил жене из ее квартиры, дождавшись, чтобы она вышла из спальни, где стоял телефон. Он звонил и лгал, и до нее долетали отдельные слова.

– Два года... – качала головой Сюзи. – Вам-то он что обещал?

– Первое время ничего. Но это было даже лучше: я все равно не могла ему верить. Да я и не хотела от него ничего, он мне не нравился. Но от него очень трудно отделаться.

– Вы думаете, что это он сейчас звонил в вашу дверь?

– Да, – сказала Таня. – Это был он, больше никому.

– Ах милая, – вздохнула Сюзи, – Вам надо было найти другого мужчину!

Другие мужчины не имели смысла. Их было двое за два года. Они ни в чем не были похожи друг на друга, но объятия обоих вызывали одинаковые недоумение и тоску. Оба рома-

на были очень короткими и скучными. Пережив очередного соперника, Джефф бывал великолепен: щедр, весел, нежен, счастлив... Но он стал лгать и ей – он запутался в собственных страхах. Он убеждал Таню в том, что он лжет Кэсси оттого, что взял на себя обязательства по отношению к ней, и что грош цена ему была бы, если бы он смог сразу бросить ее, что тогда Таня первая же перестала бы его уважать, но что теперь он все пересмотрит, подумает... Затем начались бесконечные анатомирования своих чувств, которые каждый раз доводили ее до слез.

– А вчера – сказала Таня, – я получила еще одного женатого поклонника.

Когда Серж сказал ей, что хочет остаться на эту неделю здесь, она засмеялась. Он ждал пока она перестанет смеяться и что-нибудь скажет. Она сказала: – Роман на неделю и дружба навек! – и опять засмеялась.

Но Серж не пожелал перевести все в шутку.

– В кои-то веки встречаешь человека, с которым хорошо быть рядом, – сказал он.

– Если тебе плохо рядом с твоей женой, – отрезала Таня, – живи один.

– И теперь Вы ушли с работы и прячетесь у старухи-соседки, – вздохнула Сюзи. – Ах милая, одной-то иногда так тяжело! Я вот уже пятнадцать лет одна.

– У Вас есть дети? – спросила Таня.

– Была девочка, но она умерла, когда ей было три с половиной месяца. Ее звали Клеа. – Сюзи перекрестилась. – А мне всегда нравилось жить, и Бог мне нравится.

Таня улыбнулась: – А люди?

– Если бы я думала, что есть такое, как люди, то мне бы не нравился Бог.

– То есть, как это, а я, например, кто?!

– Вы женщина.

– А если бы я была мужчиной? – засмеялась Таня.

– Тогда бы я сказала, что Вы мужчина. Бог не видит людей, милая, Бог видит человека. А люди – это всегда ужасно! – покачала головой Сюзи и вышла, чтобы заварить чай. Вернувшись, она спросила, – А замужем Вы были?

– Я разошлась с мужем вскоре после того, как умерла моя девочка; у меня ведь тоже была девочка, но я даже не успела ее назвать.

Таня ушла уже около полуночи. Сюзи проводила ее до двери, подождала пока она зайдет в свою квартиру.

– Одного Вы все-таки еще не пережили, – говорила она, пока Таня возилась с замком. – Вы еще не пережили старения.

Таня приняла снотворное, но долго не могла заснуть. Когда она, наконец, заснула, ей приснилось, что она умерла. Смерть оказалась медленным и невысоким полетом над хорошо знакомыми домами, пейзажами и людьми. Картины сменяли одна другую, не вызывая в ней никакого любопыт-

ства до тех пор, пока она не вспомнила, что они знакомы ей из снов и что она никогда не видела ничего этого наяву. Тогда она стала смотреть внимательнее, как будто старалась уличить смерть в ошибке, но так и не уличив, проснулась.

«А Сюзи всегда нравилось жить, – подумала она. – С какой стати она стала бы лгать».

* * *

Она пропустила то место, где однажды уже спускалась к озеру, и не зная, есть ли спуск дальше, долго разворачивала машину на узком шоссе. Сейчас, когда здесь лежал снег, все выглядело по-другому. Проехав назад до развилки и так и не найдя того места, Таня оставила машину на обочине и стала осторожно, перебежками от дерева к дереву, спускаться. Было скользко, подход к озеру становился все круче, внизу лежал туман. Таня сдалась на полдороге, она села между обломанных веток упавшего дерева со светлой корой и плотнее закуталась в плащ. Сунув руки в карманы, она наткнулась на что-то гладкое и холодное и вспомнила, что Серж купил ей вчера яблоко в корейской лавке за мостом. Яблоко было небольшим, желтым, продолговатым и ничем не пахло. Еще она вспомнила, что сказал Саша, когда застал ее собирающей чемодан. Он сказал «синдром ухода». Он сидел в кресле, был зловеще спокоен и спрашивал ее, почему она уходит. Она продолжала молча собираться. Тогда он сказал:

«Ты уходишь не оттого, что девочка умерла, ты знаешь, что в этом никто не виноват. У тебя просто синдром ухода». Она хотела сказать ему, что – да, она уходит не оттого. Что давным-давно все, что между ними было, превратилось в рутину и притворство, и что она чувствует себя бессильной это изменить, и что ей страшно оттого, что они не хотят друг друга в постели, но еще страшнее дожидаться того момента, когда это перестанет быть страшным. Еще она хотела сказать, что – нет, он не прав, если бы девочка не умерла, она не ушла бы. Но потому что он говорил так непривычно – жестоко и спокойно, потому что она почувствовала – он всегда теперь будет говорить с ней только так, и это справедливо, – она ничего не смогла сказать, она заплакала.

Сейчас ей снова захотелось плакать. Она заставила себя думать о чем-то другом, первое, что пришло ей в голову, был Петин сценарий. «Уцепиться за идею устройства будущей жизни не так уж невозможно. Предположим, человек смертельно болен и ему нечего терять, или смертельно соскучился и хочет сыграть в игру, которая может оказаться азартной. Но кто или что заставит человека поверить... мистификатор? Фанатик? Старо и скучно». Таня надкусила яблоко, оно было жестким и горьковатым, вкус его немного напоминал миндаль. Она поймала себя на том, что улыбается. О чем она только что подумала? Об «Амарет-то», Натан Александрович любил «Амаретто». Отчего он всегда был таким веселым? – Я молюсь каждое утро целых полчаса по часам, –

отшучивался он. – Вот попробуй сама, душка! Увидишь, как помогает. – О чем же мне молиться? – О чем хочешь. О хорошей погоде.

Когда она его видела в последний раз, он был совсем другим. Она все ждала каких-то особых слов, и все не уходила, хотя видела, что ее присутствие ему в тягость. В гостиной украдкой плакала Анна и без конца вытирала глаза промокшей бумажной салфеткой. В этом доме все было чужим. Особенно чужим был умирающий человек. Белая плоская подушка, на которой лежала его голова, казалась огромной по сравнению с маленьким, почти таким же белым, как наволочка, жутко исхудавшим лицом. Одеяло лежало совершенно плоско, будто не было тела, которое оно покрывало. Но самым пугающим были глаза: большие, очень светлые и очень холодные. Совсем чужие глаза. Человек, который лежал в этой чисто прибранной, пропахшей лекарствами комнате, на этой непомерно большой кровати, ей незнаком. И она ему не знакома. О чем плачет Анна? Ему, наверно, больно – он закрыл глаза, но и с закрытыми глазами лицо его продолжало быть чужим. – Натан Александрович, – тихо позвала она, – я ухожу. Мне пора идти.

Он услышал, медленно раскрыл чистые, не видящие глаза, и ясным, своим, невыносимо родным голосом отозвался: – Ангела-хранителя на дорогу.

Она замерзла, ступни совсем заледенели – какой холод-

ный апрель в этом году. Самое время помолиться о теплой погоде. Она проснулась поздно и ушла, не выпив кофе, не хотела, чтобы ее застал дома Джефф. Она проснулась, когда темно-брусничные шторы уже налились теплым спокойным светом и на стене дрожала бледно-красная солнечная полоска, и вспомнила, что сегодня суббота, и может приехать Джефф. Тогда она уложила в сумку косметику, халат, смену белья, захватила синее шелковое платье. Выходя из квартиры, заметила, что в гостиной горит настольная лампа – очевидно, она горела всю ночь, – думала погасить, но не погасила, суеверно не хотелось возвращаться. Она решила уехать куда-нибудь на пару дней, все равно выходные и работу искать невозможно, куда – она придумает по дороге. Тогда и вспомнилось: «синдром ухода»...

Подниматься по склону было гораздо труднее, чем спускаться, приходилось цепляться руками за выступающие из-под прошлогодних, заиндевелых листьев камни. Несколько раз ноги неудержимо скользили вниз, беспомощность смешала ее, она вспомнила вечную присказку Ната-на Александровича: «держишься, душка», и как она спросила однажды, – за что держаться? – и он мгновенно ответил – «за воздух».

В машине она включила отопление и с наслаждением подумала о горячем кофе и о том, что день начался неплохо. На перекрестке, дождавшись зеленого света, она свернула на шоссе и притормозила; дорогу переходило укутанное в стеганое полупальто с высоким, как колпак гнома, капюшоном

существо. На Таню оглянулось испуганное круглое девичье личико, и девочка перебежала дорогу. Она не должна была бежать, дорога принадлежала ей, и Таня приостановилась и ждала, но она бежала, и перебежав на другую сторону, оглянулась опять. Почему-то расстроившись, Таня свернула на северное шоссе, и только почти добравшись до города, из которого хотела уехать, сообразила, что свернула не в ту сторону. Верхушки домов терялись в тумане, но мост был уже виден и развернуться было негде. «Ничего, – подумала она, – все к лучшему; здесь кофе лучше». Потом, ночью, засыпая, она вспоминала покрытый листьями склон и девочку с испуганным лицом в высоком, похожем на колпак гнома капюшоне. Но заснув, увидела цветы, растущие из растрескавшейся ножки стола.

Кофе она пила в том самом месте, куда позавчера ее привел Петр. Она сидела за тем же столиком и смотрела в окно. Глядя, как загустел туман, срезавший верхушки домов, и как заметно он опускается все ниже и ниже, она подумала, что еще немного, и ехать будет невозможно, но вспомнила, что торопиться некуда. «Меня никто нигде не ждет, – вслух сказала она, – какое замечательное жизненное достижение».

– Простите, мэм? – проходивший мимо официант остановился. – Вы что-то сказали?

– Да. – И забыв, что кофе был с «Амаретто», она заказала коньяк. К следующей рюмке коньяка она попросила принести пирог со шпинатом, к которому даже не притрону-

лась, но глядя, как, остывая, его маслянистая румяная поверхность приобретает какой-то искусственный вид, она почувствовала себя вправе заказать третью рюмку.

Небольшая площадь перед черным зданием была запружена машинами и огорожена, у въезда стояли несколько полицейских. В прошлый раз здесь этого не было. И флагов на черном здании не было, а сейчас они висели по всему фасаду – влажный воздух сделал их тяжелыми и неподвижными. На голубом, висевшем с краю, она разглядела блестящего золотого дракона. Она бы заметила флаги, если бы они были здесь позавчера. После того, как Петр ушел, они еще долго сидели здесь с Сержем, до темноты. С ним было хорошо и спокойно, как с родным. Они как-то незаметно перешли на «ты» и переговорили, кажется, обо всем на свете. «И честь ему и хвала» – она усмехнулась, – он не читал ей своих стихов и даже не морочил ей голову своим Парижем.

Позже, в ее квартире, спросив, можно ли остаться переночевать, потому что он почти наверняка не успеет на вечерний рейс, он увидел, что она колеблется, и сказал, – В детстве я был кудрявый и светловолосый, на вид чистый ангелочек, только глаза нахальные. Теперь все наоборот, правда?

Таня чувствовала себя виноватой, ей не спалось, она встала в шесть часов утра, приготовила кофе. Серж так и не лег там, где она постелила ему; он заснул в кресле. Она зашла в гостиную, осторожно поставила поднос с чашками на подоконник, села напротив Сержа. Он безмятежно спал, и слы-

ша его спокойное, ритмичное посапывание, она в конце концов рассердилась. «Ненавижу, – подумала она. – Являются, морочат голову, потом спят себе, а я, как дура, поднимаюсь в пять часов утра!»

– Проснитесь, ваше сиятельство, – неприязненно сказала она, – кофе подан!

Серж сразу открыл глаза. – Что случилось? – Он посмотрел на часы и улыбнулся. – Только не смейся, – сказал он, – но мне только что снился «Reincarnation» банк. Мне снилось, будто бы там, внутри, фонтан... такой, как я видел в Италии: два бронзовых амурчика. И я гляжу на одного из них и все никак не могу понять, отчего я вижу только одного, хотя знаю, что их должно быть два. А потом соображаю – второй амурчик я сам, и все смотрю на того другого – он-то кто?

– Амурчик!? – Она протянула руку и потрепала его взлохмаченные со сна волосы. – Пей кофе, амурчик!

И тут он сказал, – Хочешь, я читаю свои стихи?

– Замечательно, я только этого и ждала! – она сама услышала, как зазвенел ее голос, но не могла остановиться. Ее словно куда-то несло. – К тому времени, как закончишь читать стихи, как раз и рассветет окончательно, и можно будет продемонстрировать тебе мои картинки. Но потом нам надо будет уйти отсюда, а то придет мой разгневанный любовник, и я боюсь, ты не выдержишь конкуренции.

Серж поставил чашку и наклонился, взглядываясь в полу-мраке в ее лицо. Она раздраженно отвернулась и стала смот-

реть в окно.

– Бедненькая, – он протянул руку и погладил ее по голове, – вляпалась.

И тут она почувствовала, что еще немного, и она разрешится, как дура...

«Кажется, я пьяная... – подумала она, выходя из ресторана и глубоко вдыхая колючий сырой воздух. – Самая подходящая кондиция, чтобы вести машину в таком тумане».

А туман все сгущался. Пройдя несколько шагов, она услышала меланхоличный хриловатый голос саксофона, доносящийся откуда-то с противоположной стороны улицы. Невидимый музыкант играл что-то знакомое. Таня перешла через дорогу, но саксофон умолк так же внезапно, как заиграл. Она постояла, наблюдая за роскошным серым автомобилем, въезжающим через полицейский пикет на площадь перед черным зданием. «Надо пойти посмотреть, что там происходит», – подумала она. Но пешеходная часть улицы тоже была перегорожена. Таня попыталась завязать разговор со здоровенным полисменом, который, расставив ноги, стоял за деревянным барьером. Но это было все равно что говорить с тумбочкой, он только отрицательно мотал головой и упрямо махал рукой. Мол, убирайтесь, откуда пришли.

– Болван! – по-русски сказала Таня. Эта привычка несколько раз ставила ее в неловкое положение, и Таня научилась ругаться вполголоса. Но именно благодаря этой при-

вычке она познакомилась с Натаном Александровичем. Она куда-то торопилась, а он, со своей скрипкой подмышкой, никак не давал водителю автобуса тронуться, все искал мелочь на проезд. Седенький, маленький, в шляпе – всегда терпеть не могла шляп. Таня дала волю раздражению, – Вы скоро?

А он встрепенулся и на чистейшем русском языке спросил: – А Вы?

– Что я?! – растерялась Таня.

– Ну я не знаю, – улыбнулся он, – Вы ведь тоже не уточнили «что».

К счастью, полисмен не понимал по-русски; он и бровью не повел. «Истукан», – сказала она, после чего немного успокоилась и решила подойти к черному зданию с другой стороны. Она обогнула соседний дом, до которого тянулись деревянные заграждения, но там дело обстояло еще хуже; прямо от угла дома начиналась новенькая серая бетонная стена: скорее всего, она окружала черное здание со всех сторон, кроме той, где была площадь. «Может быть, здесь какой-нибудь военный арсенал, или посольство, или... Бог знает что и стреляют без предупреждения! Куда меня несет, ненормальную!?» Но она продолжала идти, спотыкаясь о валявшийся вдоль ограды строительный хлам.

Туман смыл неровной линией верхнюю часть ограды, даже уличный шум стал доноситься как будто глуше. Прикасаясь ладонью к влажному бетону, она шла, ступая осторожно

и медленно. Стена повернула влево под тупым углом, потом неожиданно опять влево... Сделав еще шаг, она почувствовала, как ее пальцы внезапно соскользнули с камня и, пошатнувшись, чуть не упав, она испуганно вцепилась в холодные прутья, глухо звякнувших чугунных ворот. Сердце колотилось так бешено, что она постояла, прислонившись лбом к холодному металлу, поджидая пока оно уймется, потом подергала решетку; ворота были заперты. – Эй! – крикнула она и, прислушавшись, подняла голову – было тихо. «Если встать на цыпочки, можно дотянуться до верхушки прутьев, – подумала она и прошлась вдоль ворот. – Должен же здесь быть какой-нибудь указатель, табличка с названием, какой-нибудь знак – что это, наконец, такое!?»

Но на воротах ничего не было. Она стала внимательно оглядывать бетонную стену рядом с воротами, и через минуту, теряя ощущение реальности, читала и перечитывала слова, выведенные черным италикком на бледно-желтом фоне:

«Reincarnation банк»

Основан в 1847 году Радж-Сумой Младшим

Первый филиал на этом континенте

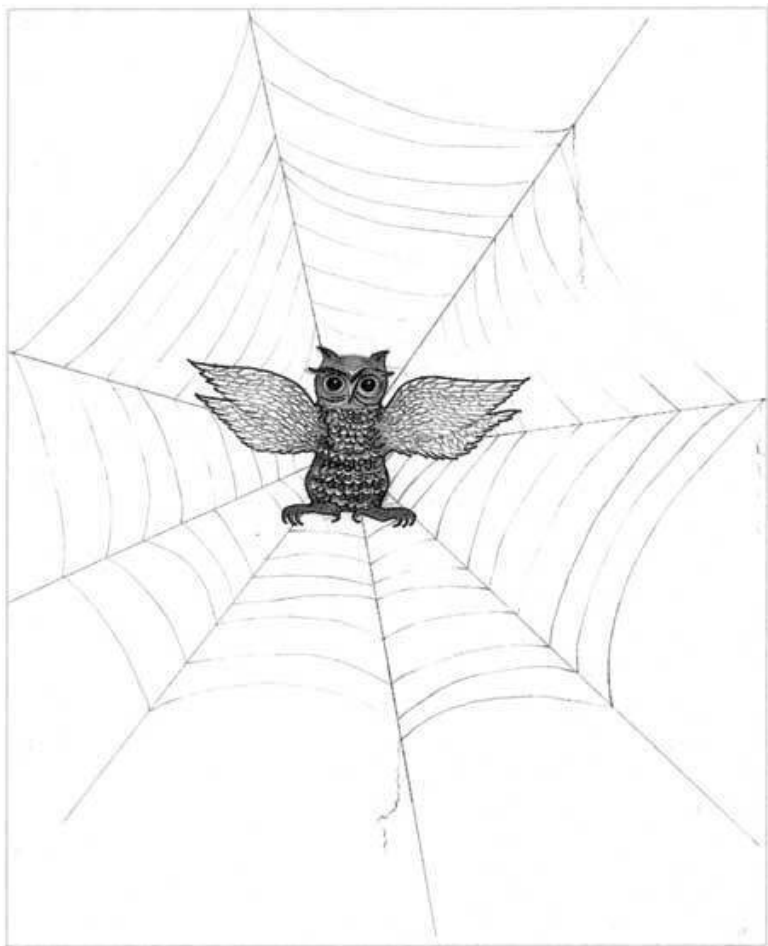
И ниже простым шрифтом —

Въезд для грузового транспорта

– Грузите золото бочками, – сказала она и еще раз подергала решетку, потом безуспешно попыталась протиснуться между прутьями. Оглядевшись, и не увидев ничего, кроме плотного, как вата тумана, Таня повесила сумку на ворота, подвернула и закрепила за поясом подол плаща. Потом, встав на нижнюю перекладину, сняла туфель и осторожно притронулась ступней к решетке. Ощущение холодного, как лед, влажного металла, было нестерпимым, она снова надела туфель, вцепилась в решетку и стала подтягиваться до следующей перекладины. – «Грузовой транспорт. Ничего, как-нибудь въеду...»

Когда она, после долгих мучений, оказалась наверху и глубоко вдохнула сырой и вязкий, как кисель, воздух, земли внизу видно не было. Она перелезла на другую сторону, но попытка опустить левую ногу оказалась неудачной. Правая ступня скользнула по влажному металлу кожаной подошвой и, не удержавшись, больно ободрав руку, Таня полетела вниз.

По ту сторону ограды

II

Она не почувствовала боли от ушиба и не вскрикнула; она ошеломленно села, и отряхивая плащ, увидела, что правый его рукав порван. Она потрогала свисающей у локтя клочок материи и рассмеялась. Ей вдруг стало нестерпимо смешно от того, что среди бела дня, в центре города, под носом у полиции она лезла через запертые ворота: – «вот до чего доводит однообразие!» – Но оторвавшись от созерцания порванного рукава и подняв голову, она увидела две словно выплывающие из облака фигуры. У нее оборвалось сердце, и почему-то вспомнилась детская считалка: «вышел месяц из тумана...» Незнакомцы не были в полицейских формах; один из них был старик, лицо другого – породистое и красивое – показалось ей надменным.

– Вы улыбаетесь? – заговорил незнакомец с породистым лицом, наклоняясь и протягивая ей руку, темно-карие глаза глядели на нее с приветливым интересом. Вблизи он выглядел гораздо старше, чем показался ей вначале; морщины на его лице были неглубокими, но их было множество, и они были везде: вокруг глаз, на лбу, на щеках, на подбородке. Над правым виском, нарушая их четкий росчерк, блестел след ожога. Высокие черные брови красиво изгибались, наверно из-за этого изгиба его лицо показалось ей надменным.

– Вы не ушиблись? – спросил старик.

Он сразу же понравился ей. Позже, когда она узнала, что его звали Натан, Натан Гердт, он стал ей еще симпатичнее. У него были белые, поредевшие и тонкие, как пух волосы, и очень белое, будто обесцвеченное лицо, маленькое, с мелкими аккуратными чертами. Он тоже глядел приветливо, но немного рассеянно.

Второй незнакомец рассмешил Таню, он сказал:

– Трудно свалиться с неба и не ушибиться.

Отряхивая безнадежно выпачканный плащ, она сказала, что свалилась не с неба, а с ворот, которые, к счастью, гораздо ниже. Она попыталась объяснить, зачем ей понадобилось перелезть через ограду, но получилось как-то несвязно; она и сама не очень понимала зачем. – От нечего делать, – наконец определила она.

– Назовем это лучше любознательностью, – с улыбкой поправил ее второй незнакомец.

– А Вы? – спросила Таня, – Вы пришли отсюда? – и махнула рукой в сторону утонувшего в тумане черного здания.

– Нет, мы вошли, – он обернулся, но и за его спиной не было ничего, кроме плотной стены тумана, – ...здесь неподалеку, и услышали, как зазвенели ворота.

– Но вы имеете какое-то отношение к этому банку? – и она опять махнула рукой.

– Имеем, – ответил обладатель породистого лица. – Я – самое непосредственное, а это мой гость.

– Натан Гердт, – представился старик, – музыкант.

– Натан!?! – переспросила Таня и поглядела на него, как на привидение, потом перевела взгляд на его спутника и заметила в петлице его светлого пальто белый цветок. Она вдруг почувствовала жгучее любопытство. – «О, где моя изобретательность!» – испуганно думала она, понимая, что ее сейчас могут выставить.

Некоторое время все молчали.

– Кажется, я все-таки порядочно ушиблась, – наконец пожаловалась она, поморщившись и заведя руку за спину. Спина и особенно поясница действительно немного ныли.

– Будем надеяться, что ничего серьезного. А Ваше имя...

– Таня, – сказала она.

– Антонио Альберти, – наконец представился незнакомец с надменными бровями. Конечно, он разгадал ее хитрость; он смотрел на нее с тонкой, понимающей улыбкой. – Вы ведь понимаете, я не могу Вас отпустить так... не оказав никакой помощи. Тем более, что сам я очень часто оказывался жертвой собственного любопытства. – Он повернулся к Натану Гердту, как бы приглашая его подтвердить это, но музыкант ответил ему быстрым растерянным взглядом и отвел глаза.

За сумкой, которую Таня забыла на воротах, пришлось вернуться с полдороги. Очевидно, от всей сумятицы пережитого за последние полчаса она плохо соображала. «О чем они говорили?» Антонио Альберти сказал: «У Вас красивый акцент». И ей понравилось, что он не спросил, откуда она родом. Еще она вспомнила рассказанную ей кем-то историю о

неудачном самоубийце, который прыгнул с какого-то этажа, но ничего не сломал, потому что был пьян, и подумала, что хорошо, что она выпила, а то Бог знает чем закончилось бы ее падение. Она чуть было не рассказала эту историю своим спутникам, но ее, к счастью, отвлекла мысль, что она, может быть, вовсе не лезла бы через ворота, если бы не была так пьяна.

Они не стали огибать здание, Антонио Альберти предупредил, что они пройдут через служебный вход. «Служебный вход» оказался широкими двойными непроницаемого черного стекла дверьми. «Парадный должен быть, наверно, еще чернее и еще непроницаемее», – подумала Таня, первая входя в любезно распахнутую Альберти дверь. Кто-то изнутри распахнул перед ней вторую дверь, Таня шагнула на гладкий узорчатый ковер и сразу почувствовала себя неуютно в своем испачканном плаще с разорванным рукавом. Ее окружала музейная роскошь и музейная благоговейная тишина, но пахло не музеем, пахло, как в дорогом отеле. В нишах у стен и у прямоугольных колонн стояли матово блестящие черные фигурки с розовыми раковинами-светильниками на поднятых руках. Они отражались в зеркалах, и ей казалось, что со всех сторон на нее таинственно глядят удлиненные, как у древних египетских статуй, глаза. Зеркала повторяли отражения высоких ваз с синими и белыми ирисами, она поискала свое отражение, нашла его где-то далеко-далеко и беспокойно оглянулась, поскольку в этом отражении

за ее спиной стоял кто-то незнакомый. Невысокий стройный человек в наглухо застегнутом темном костюме – очевидно, тот, который открыл внутренние двери, – явно ждал, пока она снимет плащ, чтобы принять его, он и руки уже приподнял.

«Еще не хватало остаться в джинсах и старом свитере», – с ужасом вспомнила Таня и сказала, поймав ободряющий взгляд Антонио Альберти:

– Нет, спасибо, я пока не буду снимать плащ.

Человек чуть отступил. – Как леди будет угодно.

«Тысяча и одна ночь», – отворачиваясь, подумала Таня.

– Это мои гости, – сказал Альберти, – они сейчас расписутся и я сам о них позабочусь.

Альберти куда-то повел их, причем Таня помнила, что ей все время казалось, будто Гердт чувствовал себя неловко, и она все время пыталась завязать с ним разговор. Она спрашивала его, на каких инструментах он играет, где он живет, можно ли попасть на его концерт. Музыкант отвечал с поспешной вежливостью, как будто был рад слышать каждый вопрос и рад ответить на него. Да, он играет в Чикагском симфоническом оркестре, ведущая скрипка... конечно, можно приехать и послушать, ему будет очень приятно. Но сам он не задал ни одного вопроса.

На переплете книги, которую ей протянул Альберти, стояла оттиснутая золотом монограмма «RSJ». Гадая, что бы это значило, Таня раскрыла книгу и записала свое имя и первый

пришедший ей в голову адрес, числа она не помнила и времени не знала, их ей подсказал Альберти.

В лифте, не удовольствовавшись панелью с кнопками, на которых стояли буквы вместо цифр, она считала этажи по вспышкам света в овальных стеклах на дверцах, и насчитала их двадцать семь. Альберти сказал, что они проводят ее сейчас к Розе и что эта Роза посмотрит на ее ушибы. Пока они петляли по запутанным коридорам, Таня воображала себе эту Розу – рослую, улыбающуюся, в белоснежном переднике. У одной из дверей Альберти остановился и серьезно предупредил: – Не пытайтесь отсюда убежать; заблудитесь. – Он постучал, потом распахнул дверь и заглянул в комнату. – Ее здесь нет, – сказал он и обернулся к Тане: – Зайдите пожалуйста, Вам придется немного подождать.

Таня послушно переступила порог ярко освещенной комнаты. Рядом с огромной хрустальной люстрой с потолка свисала птичья клетка, на открытой дверце которой, нахохлившись, сидел небольшой белый попугай. Комната напомнила Тане шкатулку, где хранились когда-то ее детские драгоценности, – покрытые светлым шелком стены плавно переходили в овальный потолок, по его кромке шелк собирался мелкими складками и казался темнее. Две вазы с какими-то длинными ползучими растениями висели по обеим сторонам широкого темного секретера, на откинутой крышке которого стоял лакированный обрубок дерева с дуплом.

– Извините, что мы не заходим, – сказал Альберти. – Я

надеюсь, Вы никуда не торопитесь и примете мое приглашение пообедать с нами. – Он сделал паузу.

– Спасибо, – растерянно сказала Таня.

– К сожалению, до обеда мне придется покинуть Вас, но я сейчас найду Розы и она обо всем позаботится. Пожалуйста, не скучайте пока, – улыбнулся он.

Увидев, что дверь закрывается, Таня встревожилась.

– А что, если сюда придут до того, как Вы предупредите Розы, что я скажу тогда?

Альберти снова приоткрыл дверь:

– Не волнуйтесь, – весело сказал он, – вряд ли. – И с этими не очень утешительными словами закрыл дверь.

Она подошла к стоявшему посреди комнаты овальному, как потолок, столу, села в кресло и огляделась: по кремовым шелковым обоям тонким коричневым контуром шел рисунок птиц и деревьев. Такой же рисунок был на более темной обивке мебели: кресел, стульев, стоявших по стенам двух длинных диванов, – только здесь рисунок был закрашен. Таня долго с недоумением смотрела на цепь, висевшую на одной из веток лакированного обрубка: она была похожа на цепь от наручников, но заканчивалась маленьким кольцом с одной стороны и короткой переключателем с другой. Окон в комнате не было. Откинувшись в кресле, Таня обнаружила, что люстра раздражающе ярко светит ей прямо в глаза. Поморщившись – спина ныла все сильнее, – она встала, нашла выключатель и приглушила свет. Теперь хрустальные шари-

ки золотисто поблескивали, и в прищуренных глазах расплывались тонкими радужными полосками – это было красиво. «Как это я умудрилась так напиться?» – Сейчас, когда она расслабилась, у нее кружилась голова и немного тошнило. – «Лабиринты, ловушки, подъемные мосты, какая прелесть... молодец Петр», – думала она, закрывая глаза.

Таня проснулась и некоторое время не могла сообразить, где она находится. Ныла спина, болела рука, голова была тяжелой, и тревога навалилась на нее раньше, чем она вспомнила, где она и как сюда попала. Вспомнив, она сразу успокоилась. В комнате, казалось, было темнее, чем когда она засыпала; она подняла глаза и поняла, что люстра погасла и что хрустальные шарики не светятся сами, а только отражают тусклый свет, горящий где-то за ее спиной. Спина ныла так сильно, что она не нашла в себе сил повернуться и, не шевелясь, продолжала осматривать доступную ей часть комнаты. Цепь по-прежнему висела на обручке дерева, а выше, на самом верху секретера, она увидела дремавшее в роскошном полумраке серое ушастое существо.

– Кис-кис-кис... – позвала она и подалась вперед, отчего невольно довольно громко застонала.

Предполагаемая кошка стремительно раскрыла совершенно круглые, близко посаженные, горевшие янтарным светом глаза и... с шумом расправила огромные, как показалось перепуганной Тане, крылья.

– Никогда не надо дразнить птиц, – услышала она недо-

вольный старческий голос за своей спиной.

– Иди сюда золотко, иди сюда, моя ласточка! – последнее относилось, разумеется, не к ней, а к филину, продолжавшему беспокойно хлопать крыльями. Таня обернулась и, забыв о ноющей пояснице, с изумлением переводила взгляд с птицы на старую ведьму, шествовавшую мимо ее кресла к секретеру. На ведьме было очень приличное черное платье и шествовала она на высоких каблуках. Седые волосы, гладко причесанные и уложенные на затылке косой, и крупная белая жемчужина в сереге подчеркивали смуглый оттенок кожи на обращенной к Тане худой щеке, профиль был птичий: отвесная линия носа, лба и тощего второго подбородка делали его очень похожим на профиль Бастильды в иллюстрациях к старому изданию «Волшебника страны Оз».

Ведьма подошла к секретеру, вытащила из лакированного дупла длинную светлую перчатку и натянула ее на левую руку.

– Ну иди сюда, моя птичка, иди сюда... надо посидеть в дупле. – Филин забавно склонил голову и некоторое время, не мигая, смотрел на протянутую к нему руку, потом слетел вниз и уселся на ней, пристраиваясь и складывая крылья. Старуха сняла с дерева цепь и ловко окольцевала птичью голень.

– Видишь, у меня тут гостя... ты, мое золотко, пугаешься, – продолжала приговаривать старуха, сажая филина в дупло. Птица немного помедлила, перебирая лапами на

небольшом карнизе, и неуклюже влезла внутрь деревянного обрубка.

– Она уже сидела там, наверху, когда я пришла? – осмелилась спросить Таня.

Ведьма, не отвечая, не спеша закрепила свободный конец цепи где-то внутри дупла и обернулась. У нее были большие, круглые, как у совы, темные глаза. – Во-первых, не она, а он, – негромко отчеканила она, – во-вторых, кому и знать, как не Вам. – Вид и манера говорить у ведьмы были очень властными. Она была худа, стояла очень прямо, касаясь заведенными за спину руками крышки секретера, глядела на гостью острым, пронизывающим взглядом и говорила с сильным акцентом, который не пыталась смягчить.

Таня была восхищена. Ей вдруг захотелось понравиться; она поднялась с кресла и сказала:

– Простите, я не представилась, меня зовут Таня.

– Розена Альберти, – сказала ведьма. – Мне сказали, что Вы сильно ушиблись.

– Меня просили подождать Вас здесь. – Сказано было явно невпопад, и Таня на себя рассердилась: «Совсем одичала, разговаривать разучилась». – Ведьма все так же, не отрываясь, глядела на нее. – Антонио Альберти... – начала Таня, но ведьма перебила:

– Тонио нашел меня сразу, но Вы изволили заснуть. Это я ждала Вас.

– Вы, наверно, его... – Таня хотела сказать «мать», но к

счастью, сообразила, что тогда Антонио Альберти не называл бы ее «Рози», – ...родственница?

– Сестра, – ответила Рози и прошествовала мимо Тани к освещенному стенной лампой передвижному столику. На столике стоял сифон, стакан, плоская темная бутылка и большая круглая жестяная коробка.

– Идите сюда, – не оборачиваясь, приказала ведьма, – посмотрим на Вас. – Кончиком черной бархатной туфли она нажала на педаль переключателя на полу и лампа загорелась ослепительно ярко. Таня невольно зажмурилась, а когда открыла глаза, ведьма глядела на нее, а за ее спиной шелковая драпировка стены раздвигаясь, высвобождала высокое – почти до потолка – зеркало, отразившее дверь, угол стола, блестящий хрусталь люстры и небольшую полку с книгами у противоположной стены. Таня подошла к столу, не понимая, зачем понадобилось зеркало. – Да Вы не беспокойтесь, я сама... – пробормотала она, заметив в жестяной коробке пластырь.

– Нет, это Вы не беспокойтесь, снимите Ваше пальто, – не сводя с ее лица круглых немигающих глаз, сказала Рози, – повернитесь. Где?

Не желая препираться со старой ведьмой, Таня повесила плащ на спинку стула, повернулась к ней спиной и неопределенно указала рукой на левую часть поясицы.

– Поднимите кофту.

Таня подняла свитер, вознаградив себя тем, что пробормотала

мотала сквозь зубы: – Старая дева.

Руки у Розы оказались уверенными и легкими. Звякнуло стекло и запахло мятой. Она быстро протерла ушиб и в двух местах наложила пластырь, почти не причинив боли. – Пу-стяки, – сказала она неожиданно мягче, – немного поболит и перестанет. Не делайте резких движений. Где-нибудь еще?

Сделав комплимент ее врачебному искусству, Таня с полным доверием предоставила ей свою левую руку. По ней широкой полосой шла багровая вспухшая царапина.

– Я проработала почти всю войну сестрой милосердия, – сказала Розы, точными и уверенными движениями накладывая узкую полоску пластыря. В довершение всего она заставила Таню принять какую-то обезболивающую таблетку и дала запить ее водой из сифона. Таня задохнулась, глотнув ледяной газированной воды, но удержалась от кашля, подумав: «Это она нарочно».

– Вам лучше до обеда полежать, – приказала ведьма, – я покажу Вам Ваш номер, но сначала Вам придется кое-что примерить и выбрать, что Вы вечером наденете. Что-нибудь с длинным рукавом и закрытой спиной, – добавила она.

Таня смутилась. На минуту все приключение с банком показалось ей ребяческой глупостью.

– У меня есть платье, – сказала она, и добавив зачем-то, – синее... – рассердилась на себя и решительно заявила: – Но я думаю, что мне лучше больше никого не беспокоить и уйти.

Некоторое время Розы внимательно глядела на ее лицо,

ярко освещенное лампой. – В таком случае позвольте поинтересоваться, зачем Вы сюда перелезли? – наконец спросила она. – Только для того, чтобы стукнуться поясницей и поцарапать руку?

Таня ничего не сказала, подумав, что действительно ведет себя глупо. Она подошла к зеркалу и поправила прическу.

– У меня есть платье, спасибо, – повторила она и обернулась, увидев в зеркале, что Роза протягивает ей гребешок. Гребешок был старинным, цвета слоновой кости, тяжелым, с красивой резной ручкой, с редкими зубцами.

– Вы никогда не носили длинных волос? – неожиданно спросила Роза.

– В детстве, – удивилась Таня. Она взяла гребешок, но не решалась воспользоваться им.

– Вам бы пошли, – холодно заметила Роза и отвернулась, чтобы навести на столе порядок. – Вы *действительно* похожи на особу, которую я однажды знала, только она была моложе.

– Я тоже *была* моложе, – сказала Таня.

* * *

«Никогда не понимала азиатских лиц», – думала Таня, глядя на лицо Ноэми, белое и круглое, как луна, с такой нежной кожей, что она, казалось, светится. Очень красивое лицо.

Когда Роза привела Ноэми, Таня сидела на диване, со всех сторон обложенная подушками и недоверчиво разглядывала роскошную комнату с высоким лепным потолком, с подлинниками Дега в золоченых рамах, с какими-то столами, столиками, вазами, диванами, диванчиками, с мозаичным паркетом, с золотистыми шторами – значит, здесь все-таки есть окна – и думала о том, какое безобразие, что при этом почему-то должна невыносимо ныть спина и голова еле ворочаться на шее.

Роза представила девушку, как приемную дочь Антонио Альберти, на попечение которой она Таню оставляет, поскольку сама должна заняться своими птицами, и удалилась.

У Ноэми были быстрые и точные, как у ящерицы, движения и необыкновенно нежный голос, который как-то не вязался с ее независимыми манерами и с теми учеными словами, которые она им с такой легкостью произносила. Она сидела в кресле, поджав под себя ноги с маленькими изящными ступнями, и курила. Туфли, сброшенные ею на ковер, казались неправдоподобно крохотными. На Танины вопросы о «Reincarnation» банке она не знала ответов или не хотела отвечать, и Таня перестала задавать их. Ноэми охотно рассказывала о себе: она второй год училась в Оксфорде и приехала на каникулы, ее мать умерла несколько лет назад и с тех пор о ней заботилась Роза, поскольку Тонио – так она называла своего отчима – был все время в разъездах. Но было совершенно очевидно, что она рассказывает все это,

чтобы вызвать на откровенность свою собеседницу; она явно не знала, как Таня сюда попала и почему Антонио Альберти оказывает ей такое внимание. Последнего Таня не понимала и сама, а говорить о первом была совсем не расположена.

– Чему Вы учитесь в Оксфорде? – спросила она.

– Философии, истории наук. Сейчас географии.

– Географии? – переспросила Таня.

– Истории географии, – пояснила Ноэми, – как науки. Методология и прочие материи... – она улыбнулась. – Хотите, я принесу Вам географию Страбона, почитаете перед сном?

Таня усмехнулась. Антонио Альберти пригласил ее на обед, он не предлагал ей оставаться здесь до завтра.

– С удовольствием, – сказала она, – это тем более кстати, что я не захватила снотворного. – И она поправила шелковый плед, прикрывавший ее колени.

* * *

Зачерненное, аккуратно подсвеченное двумя матовыми круглыми лампами зеркало льстило. Тане нравилось свое отражение в этом зеркале, надев синее платье и приведя себя в порядок, она продолжала сидеть перед ним. Часов у нее не было, и ей казалось, что уже поздно, что уже больше семи, что Ноэми опаздывает.

Ноэми вошла с улыбкой. В белом свободном платье из легкой материи, подпоясанном черным бархатным пояском,

с распушенными, блестящими, как шелк, волосами, она была хороша, как картинка. Она положила на стол толстую книгу в кожаном переплете, подошла к зеркалу и спросила, поглядывая на Танино отражение: – Вы любите синее?

– Не очень, но оно мне идет.

Ноэми, по-видимому, осталась довольна собою и сравнением своего отражения с Таниным. – Оно Вам идет, – подтвердила она и снова подошла к столу. – Вот книга, и я принесла кое-что еще, если хотите... Вы сказали, что забыли снотворное.

Маленькая бутылочка, похожая на те, в которых хранят гомеопатические горошины, на две трети была полна прозрачной, как вода, жидкостью.

– Что это?

– Ничего особенного, это снотворное. Разведите в стакане воды или сока и выпейте на ночь, только не смешивайте с алкоголем и не лейте больше половины! Будете спать и видеть прекрасные сны.

– Это не... наркотик? – подозрительно спросила Таня.

– Вроде того, – немного замялась Ноэми, – но совершенно безвредный.

«Еще не хватало, – подумала Таня, – совершенно безвредный коньяк и совершенно безвредный наркотик... пьянство и наркомания в один день».

– Спасибо, – сказала она и задвинула пузырек за географию Страбона так, что он оказался между книгой и вазой

с ярко-красными цветами. Цветы были незнакомы Тане; их крупные, глянцево блестящие лепестки выгибались назад и чуть закручивались на концах, очень длинные, цвета охры, тычинки торчали в разные стороны, как лапки насекомых, – цветы были похожи на каких-то экзотических бабочек.

– Как это называется? – спросила она.

– Это настой гриба... – и Ноэми произнесла длинное латинское название.

Таня в недоумении посмотрела на нее, потом рассмеялась. – Я про цветы спрашивала, не знаете ли Вы, как называются цветы?

– Не знаю, но... – Ноэми вдруг отколола от своего платья маленькую золотую булавку, похожую на стилизованную букву «z», сорвала цветок, подошла к Тане и как-то уж очень серьезно заглянула ей в глаза:

– Вы позволите? Будет красиво. – И, не дожидаясь ответа, стала прикалывать цветок к Таниному платью чуть ниже левого плеча. Закончив, она отступила на шаг и любовалась на свою работу.

– Вы сможете спросить у кого-нибудь другого, как он называется. Только смотрите, чтобы пыльца не осыпалась, – добавила она, – испачкает.

В этот момент она выглядела озабоченным ребенком, полным нестерпимого любопытства к неожиданной гостье.

Таня очень ласково улыбнулась ей. – Я буду осторожна.

Таня помнила, что лифты были недалеко – несколько ша-

гов и они свернули в широкий коридор, где между дверьми лифтов лепились к стенам, раскинув белые мраморные руки, запомнившиеся ей фигурки, не имеющие лиц. На их раскрытых ладонях лежали светящиеся виноградные гроздья. Таня подняла голову: высокий потолок был бел и чист.

– Смотрите, – Ноэми оторвала ее от созерцания потолка. Она нажала на кнопку лифта, и свет в светильниках стал вдруг меняться, виноградные кисти покраснели, пожелтели, потом стали чуть зеленоватыми. Это продолжалось до тех пор, пока не подошел лифт. Когда дверцы его раскрылись, все светильники, кроме двух, горевших красным цветом по обе их стороны, снова стали белыми.

– Я здесь только второй день, – весело сказала Ноэми. – А Вы вообще еще ничего не видели, Вам непременно надо посмотреть на часы, и на пруд, и на гобелены. Тонио всегда что-нибудь придумывал, он всегда дарил мне удивительные игрушки! Вы давно с ним знакомы?

Они спускались в лифте, сидя рядом на красной бархатной скамейке, и всю эту тираду Ноэми выпалила единым духом, заглядывая Тане в глаза.

– Не очень, – с улыбкой отозвалась Таня.

– Удивительно, как он все это построил, правда?

«И, главное – зачем?» – кивнув в ответ, подумала Таня. Вспомнилась какая-то неизвестно кем и неважно написанная повесть, где кто-то приезжает работать на какой-то остров и знакомится там с неким пожилым загадочным

джентльменом, человеком баснословно богатым, о котором ходят темные слухи. С героем начинают происходить необъяснимые вещи: он попадает в сложные интригующие ситуации, ввязывается в странные, множественные отношения с женщинами, с мужчинами, но каждая опасная ситуация расплывается в самый критический момент, не происходит решительно ничего, даже секса. Герой сотни раз решает бросить всю эту чепуху и уехать, но не уезжает – его удерживает любопытство. Нелепости громоздятся одна на другую, и проанализировав в какой-то момент происходящее, в особенности неблагоприятность своей роли во всем хитросплетении событий, герой проникается непреодолимым отвращением к самому себе и вешается. Потом оказывается, что загадочный пожилой джентльмен разыгрывал спектакль с нанятыми актерами, такое у него было хобби. Но Таня никак не могла вспомнить психологической подоплеки поступков эксцентричного джентльмена. «Столько чепухи навспоминала, и все без толку... – и подумала почему-то: – Скручивать из их желтых штор веревки и вешаться я не собираюсь».

Задумавшись, Таня не заметила, на каком этаже они вышли, хотя дала себе слово как можно скорее научиться ориентироваться в этом странном здании без окон. Она дала себе это слово еще до того, как Альберти сказал: «Не пытайтесь отсюда убежать – заблудитесь». Ориентировалась же она всегда и везде плохо. Они попали в небольшой зал, с трех сторон окруженный стеклом, из-за которого лился яркий го-

лубоватый свет, в первую минуту показавшийся Тане дневным. Но свет не был дневным, не мог быть; день уже кончился. По ту сторону стеклянной стены стояли пальмы, и тени их сквозь стекло ложились на светлый мозаичный пол и подрагивали, будто снаружи дул легкий ветерок. Никакого другого освещения в зале не было и он казался уютным затененным прибежищем в солнечный день. Здесь стояли обитые шелком длинные диваны, два из них помещались друг против друга, они почему-то целиком были заняты сидящими, тогда как на остальных гости расположились гораздо просторнее. «Ну да, – подумала Таня, увидев, что стол между этими двумя диванами заставлен подносами и вазами с фруктами, тогда как на остальных столах стояли только вазы с цветами, – цветов они не едят». Проходя мимо роскошных чайных роз, она наклонилась, быстро сорвала один лепесток, сунула его в рот и в этот момент увидела, что на нее, улыбаясь, смотрит Антонио Альберти. Он стоял в небольшой группе мужчин и женщин у четвертой, не стеклянной стены между двумя раковинами-фонтанами и, встретившись взглядом с Таней, пошел навстречу ей и Ноэми. Двигался он как-то удивительно деликатно, Тане пришло в голову, что что-то в его походке не вяжется с тем образом, который она успела запомнить и додумать за короткое время их знакомства. В одной руке он держал бокал с красным вином, и она подумала, что, может быть, он просто боится расплескать вино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.